

Е.С. Коган

Уральский федеральный университет

К вопросу о региональных особенностях фразеологии*

Аннотация: В статье в сопоставительном плане рассматриваются русские диалектные фразеологизмы трех регионов: Костромской области, Республики Коми и Юго-Восточной Сибири (далее сокращенно сиб.) Выявлен ряд тематических сфер, в которых отражается региональная специфика: локальная топонимия и антропонимия, представления о природном мире, быте и занятиях местного населения, а также народная демонология.

Article is devoted to research of some questions of regional specificity of phraseology. Russian dialect phraseology of three regions is compared: the Kostroma region, Republic Komi and the Eastern-Southern Siberia. There are some thematic areas in which regional specificity is reflected: local toponymy and anthroponymy, the conceptions of the natural world, a life and crafts of local population, national demonology.

Ключевые слова: русский язык, диалект, диалектология, фразеология, региональная специфика, антропонимия, топонимия, предметная лексика.

Russian language, dialect, dialectology, phraseology, anthroponymy, toponymy, subject lexicon.

УДК: 811.161.1'373 + 811.161.1'36 + 81:39 + 398.4.

Контактная информация: Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УФУ, кафедра русского языка и общего языкознания. E-mail: ekaterinakogan@yandex.ru.

Народное видение мира находит отражение во фразеологии. Фразеологизм не только называет некоторое явление действительности, но также передает образное представление о нем, отношение к нему, связанные с ним мифы и обычаи. Именно во фразеологии наиболее ярко обнаруживается стремление носителей языка представить абстрактные понятия с помощью конкретных образов. При этом для разных народов как значимые могут выделяться различные атрибуты одного и того же понятия, потому весьма распространенным и продуктивным является компаративное изучение фразеологических систем двух (и более) разных языков. Однако огромное пространство, на котором распространен русский язык со всем многообразием его диалектов, различия в природных условиях, истории заселения края и т. п. определяют появление специфичных, регионально маркированных фразеологизмов и ставят проблему сопоставления региональных фразеонимиконов.

В данной статье проводится пилотное сравнение фразеологизмов русских говоров трех российских регионов: Костромской области, Республики Коми и Сибири. Такой выбор был обусловлен наличием диалектных фразеологических словарей данных территорий (Республики Коми и Юго-Восточной Сибири), мате-

---

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

риалы костромской фразеологии были получены во время полевых сборов Топонимической экспедиции Уральского университета.

Региональная специфика проявляется в следующих областях:

1. Онимы:
  - а) топонимия;
  - б) антропонимия.
2. Сфера представлений о других народах.
3. Сфера природного мира.
4. Сфера быта и ремесел.
5. Сфера мифологических представлений.

1. Регионально-специфичными являются, в первую очередь, те ФЕ, в состав которых входят онимы (топонимы и антропонимы), соотносимые со значимыми для региона объектами и личностями. Топонимы используются, как правило, двух видов:

Во-первых, названия крупных и широко известных географических объектов: костр.: **Москву и Питер наговорить** 'наговорить очень много', **Москву и Питер видно** 'о слабозаваренном чае' [ЛКТЭ Костр]; коми: **скорее Печора вверх пойдет** 'не бывать чему-либо' [ФСРГНП, 2, 288]; сиб.: **Алдан в плечах** 'о человеке с очень широкими, могучими плечами' [ФСРГС, с. 7]).

Во-вторых, микропонимы, используемые в пределах, как правило, одного сельсовета, чаще – эвфемистические обозначения кладбищ (**к Ивану собираться** 'готовиться умереть и быть похороненным на Ивановском кладбище в Усть-Цильме' [ФСРГНП 1, с. 294], **собираться в Ермолиху** шутол. 'быть близким к смерти, «собираться» на местное кладбище Ермолиха (на месте б. д. Ермолиха)' [ЛКТЭ Костр]. В последнем примере, вероятно, можно говорить о восприятии данного локуса и *дороги туда* во временном аспекте: **собираться в Ермолиху** – актуализируется мифологема загробного мира, устроенного по тому же принципу, как и мир живых, и со смертью человек переселяется в деревню, которой в реальном мире уже нет. **Не из Кремля, а из Катушенок** 'о простом, не зазнавшемся человеке' [ЛКТЭ Костр] – в данном случае топонимы служат маркерами двух различных культурных пространств – столичного, городского, претенциозного, и своего, деревенского, простого.

Антропонимы встречаются во фразеологизмах, описывающих качества человека. Как правило, в такого рода выражениях функционируют сравнения с названием определенного местного жителя, у которого данное свойство проявлялось особенно ярко. Легенды о таких людях, как правило, неплохо сохраняются либо интуитивно ощущаются носителями диалекта: костр. **леший Костров** 'о человеке, находящемся в состоянии раздражения': *Костров жил. Он был здоровый-прездоровый. Лешим прозвали. Ничем не щадил. Он как встанет на лавку, да закричит: «Под ногу – так под ногу!» Так называют любого человека, как записхует, занервничает* [ЛКТЭ Костр]; **нарядиться как Анисья Климовская** 'о безвкусно, неправильно одетой женщине' *Как Анисья Климовская – там что повязала не так. Деревня была – Климовское – двенадцать домов было. За одну зиму все примерли от холеры. У ей родители померли, три брата, а она одна осталась. Она сроду была неумная, ну, слабоумная. Она могла юбку на юбку надеть, бантов навязет, гребёнок повтыкать. Оденешься, что видят, что что-то не так, так говорят: «Что нарядилась, как Анисья Климовская?»* [ЛКТЭ Костр]. Подобные фразеологизмы могут также указывать на какой-то запоминающийся, смешной случай: коми: **сам хозяин Федя Кача, где хочу там и сижу** 'что хочу, то и делаю' [ФСРГНП, 2, с. 270] – данное выражение, по объяснению информантов, возникло из ситуации: – *Ты чё под лавкой сидишь?* – *А он: Сам хозяин Федя Кача, где хочу, там и сижу. А его туда жена загнала – пьяный пришел дак.*

2. Во фразеологизмах отражается и такое регионально-специфичное явление, как «соседство» – представления о других народах, живущих рядом. Для Сибири

таким довольно ярким образом является образ *татар*: **по татарской дороге** ‘в последний путь’ [ФСРГС, с. 63] (такая дорога воспринимается как неправильная, ненормальная, что выражается при помощи ксенономинии), **татарин беспоясный** ‘неопрятный, неаккуратный, небрежный’, **татары с узлами** ‘спекулянты’ [ФСРГС, с. 195] и др.; для территории коми – образ *ненцев*: **уегской-нелюдской** ‘насмешливая характеристика жителей деревни Уег’: *У нас-то были только русски люди, а там, в Уегу, рядом с ними жили ненцы, дак, наверно, была помесь, дак их называли уегски-нелюдски* [ФСРГНП, 2, с. 348], **как уегской** ‘неприятный, не вызывающий симпатии’ [ФСРГНП, 1, с. 335].

3. Своеобразие окружающего природного мира также отражается в образах ФЕ. При этом в говорах Сибири и Республики Коми образы объектов природы используются достаточно активно. Для сибирского региона наиболее употребительными являются образы *болота, горы, леса*: **ни с виру, ни с болота** ‘неизвестно, откуда (приехал, появился и т.п.)’ [ФСРГС, с. 28]; **как на силенную гору** ‘совсем, совершенно нет желания куда-либо идти, ехать или что-либо делать’ [ФСРГС, с. 48]; **аж гай шумит** ‘об очень хорошем качестве чего-либо’ [ФСРГС, 41]; **кочка на болоте** ‘выскачка, зазнайка’ [ФСРГС, с. 97]. В говорах Республики Коми частотны образы *горы, леса, реки*: **в бурелом полезть** ‘задираться, нарываться на ссору, драку’ [ФСРГНП 1, с. 74]; **на гору хвостом и под гору хвостом** ‘о беспринципном, двуличном человеке’ [ФСРГНП, 2, с. 14]; **и с горы, и с воды** ‘отовсюду’ (о мужчине-добытчике) [ФСРГНП 1, с. 276]; **на языке реку переехать** ‘уметь расспросить людей, узнать все необходимое и достичь нужного результата’ [ФСРГНП, 2, с. 62].

Костромская территория проявляется как более «очеловеченное» пространство. И это находит выражение в образах насекомых. Если в говорах Сибири существует довольно большое количество ФЕ с образом *комара* как таежного, лесного насекомого, то в костромских говорах более актуален образ *мухи*, которая живет рядом с человеческим жильем: сиб. **комаром звенеть** ‘не давать покоя, волновать’ [ФСРГС, с. 82]; **как комара** ‘очень много, большое количество (людей или живых существ)’ [ФСРГС, с. 95]; **на комарах жить** ‘в суровых условиях’ [ФСРГС, с. 95]; костр. **муха на стекле** ‘о воображающем о себе, нескромном человеке’ [ЛКТЭ Костр]; **мухи в руках спят** ‘о медлительном человеке’ [ЛКТЭ Костр].

4. В региональной фразеологии находят отражение традиционные для определенной территории промыслы и ремесла. Так, во ФЕ говоров костромской области широко представлены образы, связанные с льноводческим делом: **старое омялье** ‘старик, старый, немощный человек’ [ЛКТЭ Костр]; **наговорить на кривое веретено** ‘рассказать много’ [ЛКТЭ Костр]; **во все берда ткать** ‘делать разную работу’ [ЛКТЭ Костр]. Для фразеологии русских говоров на территории Республики Коми характерно отражение занятий, связанных с водным пространством (**весла сушить** ‘праздно проводить время’ [ФСРГНП, 1, с. 128]; **до дыры весла** ‘до усталости, до изнеможения’ [ФСРГНП, 1, с. 211]), рыболовством (**все богатство – полавки да кибасье** ‘небольшое состояние’ [ФСРГНП, 1, с. 148]). Диалектные ФЕ отражают память об ушедших в прошлое, но ранее типичных для данного региона занятиях, например, в русских говорах Республики Коми о бурлачестве (*бечевой идти* ‘ходить, согнувшись, будучи не в силах распрямить спину’ [ФСРГНП, 1, с. 43]), в русских сибирских говорах – об ямщине: *на биче приехать* ‘ничего не заработав, а наоборот, потерпев убытки’ [ФСРГС, с. 12]; *гонять ямщину* ‘страдать расстройством желудка’ [ФСРГС, с. 46].

Довольно активны во ФЕ представления о бытовых реалиях. Так, ФЕ костромских говоров с образом *лаптей* передают довольно широкий спектр представлений: о *лаптях* в их основной функции – обуви, непосредственно связанной с процессом ходьбы, о прекращении их использования – как об эвфемистическом обозначении смерти, как неподвижности, отсутствия движения; отражается фор-

ма, закрытость и, вероятно, узость носовой части; *лапоть* воспринимается как обувь бедных людей; с точки зрения мифологических сюжетов *лапоть* связан с обманом. Приведем примеры: **сушить лапти** ‘умереть’ [ЛКТЭ Костр]; **забить в лапотный носок** ‘укротить, умирить’ [ЛКТЭ Костр]; **лаптями торгует** ‘о бедном человеке’ [ЛКТЭ Костр]; **обувать в лапти** ‘обманывать’ [ЛКТЭ Костр]. Во ФЕ русских говоров на территории коми и в сибирских говорах данный образ тоже встречается, но он не получает столь разнообразного воплощения. Вероятно, это связано с меньшим использованием самой реалии в силу более суровых климатических условий. Однако на данных территориях зафиксированы фразеологизмы с образами более теплой обуви: **как тюнь надуться** ‘быть мрачным и угрюмым’ (*тюни* ‘грубая обувь из коровьей кожи, к которой могут пришиваться голенища’) [ФСРГНП, 1, с. 335], **камусы сушить** ‘бездельничать’, **камусы протянуть** ‘умереть’ (*камусы* ‘сапоги, сшитые из шкуры с ног оленя, лося, коровы’) [ФСРГНП, 1, с. 342].

5. Во фразеологических системах разных говоров отражаются поверья, местная народная демонология. При этом в данной сфере нет семантической специфики, есть только лексическая, а именно: выражение в разных названиях одной нечистой силы. Наиболее распространены такие образы в двух тематических сферах: спутанные волосы и медлительность, нерасторопность. Неаккуратность причёски воспринимается как нарушение социальной нормы, и в качестве причины этой неаккуратности «предлагаются» проказы нечистой силы: костр.: **как коканово гнездо** ‘спутанные волосы на голове’ [ЛКТЭ Костр] (*коканко* в вятских и некоторых костромских (на территории, граничащей с Кировской областью) – ‘нечистая сила, которой пугают детей’ [СРНГ, 14, с. 87; ЛКТЭ Костр]. *Кокановым гнездом* называют также спутанные в «шар» ветви на дереве, омелу: *на деревьях бывает коканово гнездо, и на голове волосы как коканово гнездо непричесанные. Дьяволенок прилетел и навил*; коми: **как шишко замотал** ‘о растрепанных, спутанных волосах’ [ФСРГНП, 1, с. 339] (*ишишко* ‘леший’). Вероятно, данные образы также подчеркивают асоциальность, «нечеловеческую» природу того, кто нарушил нормы, принятые в обществе, повел себя «не по-людски». Восприятие правильного как «людского», а неправильного, ненормального как «нечеловеческого» отражено и в костромском фразеологизме **как шишига щупаться** ‘медленно работать’ [ЛКТЭ Костр] (*ишишига* ‘лесная нечисть или домовой’).

Таким образом, можно говорить о существовании региональных особенностей русской диалектной фразеологии, обусловленных различием природных условий, занятий и промыслов, а также о наличии специфичных узколокальных фразеологизмов, возникающих на базе ситуаций, типичных для данной местности.

Источники

ЛКТЭ Костр – Лексическая картотека топонимической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания УрФУ.

СРНГ, 14 – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1978. Вып. 14.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. СПб., 2008.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983.